

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ В ИНТЕРНЕТЕ¹

Р. В. Хисамова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

FEATURES OF PROTECTION OF CHILDREN'S RIGHTS ON THE INTERNET

R. V. Khisamova

National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация: в статье рассматриваются особенности защиты прав детей в условиях развития информационного общества, характеризующегося ускоренным темпом изменения условий существования человека², с учетом необходимости сохранения и поддержания «принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка»³. Используя общие и специальные научные методы, в том числе метод сравнительного анализа, метод количественной оценки и метод формальной логики, автор систематизирует угрозы в Интернете, существующие в отношении детей, исследует границы правовой категории «дети» применительно к вопросу защиты их прав в Интернете, а также пытается определить соотношение публичного, частного и общественного начал в общем механизме защиты прав ребенка в интернет-пространстве.

Ключевые слова: защита прав в Интернете, права ребенка, защита детей, информационная безопасность несовершеннолетних, виртуальное пространство.

Abstract: the article considers the features of protection of children's rights in the development of the information society, taking into account the need to preserve and maintain the «principle of the best interests of the child». Using general and special scientific methods, including the method of comparative analysis, the method of quantitative assessment and the method of formal logic, the author systematizes the threats on the Internet that exist against children, explores the boundaries of the legal category “children” in relation to the issue of protecting their rights on the Internet, and tries to determine public, private and public principles in the general mechanism for protecting children's rights in the Internet space.

Key words: protection on the Internet, rights of a child, child protection, online threats, information security, virtual space.

В условиях цифрового развития общества происходит постепенная организация выполнения в цифровой среде функций и деятельности, которые ранее реализовывались людьми самостоятельно, т. е. без использования цифровых

продуктов. В ходе цифровизации⁴ в большинство сфер жизнедеятельности внедряются информационные технологии, направленные на создание для человека дополнительных благ. Между тем, как верно пишет Л. К. Терещенко, цифровизация – это не только смена технологий, это глубокое преобразование государ-

¹ Посвящается нашему с сестрой отцу Хисамову Винуру Заквановичу, покинувшему нас 14.12.2023 г.

² См. подробнее: Никитина Е. Е. Система прав и свобод человека в условиях технологической революции // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 27–44.

³ Тригубович Н. В., Хазова О. А., Чашкова С. Ю., Чефранова Е. А. О Концепции совершенствования законодательства, регулирующего отношения детей и родителей // Закон. 2022. № 1. С. 28–38.

© Хисамова Р. В., 2025

⁴ О содержании основных понятий, связанных с цифровизацией, см.: «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: приказ Минкомсвязи России от 1 августа 2018 г. № 428. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ственного управления и бизнеса на основе ИТ-технологий⁵.

Подобное преобразование условий жизни неизбежно затрагивает права человека, реализация которых в новой «цифровой» реальности требует и нового осмысления. Защита прав ребенка не является исключением, поскольку сегодня Интернет признан важным элементом социализации детей, наряду с традиционными – семьей и школой⁶. Согласно исследованию С. В. Кобзевой, российские дети в среднем начинают выходить в Интернет в 6–7 лет⁷. По данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, в Сеть выходят практически все подростки в возрасте 12–14 лет (95 % в 2020 г.; +3,3 п. п. по сравнению с 2018 г.), а также растет вовлеченность в цифровую среду детей от 3 до 6 лет и от 7 до 11 лет (на 10 п. п. по сравнению с 2018 г.)⁸.

Учитывая, что интернет-контент и, в общем, интернет-пространство оказывают существенное влияние на формирование личности ребенка, его умственное и физическое развитие, вопросы защиты детей и их прав в Интернете не могут оставаться вне правового регулирования и в целях выявления наиболее оптимальных моделей последнего нуждаются в теоретическом исследовании.

Ключевая особенность правового регулирования защиты прав детей

В 2020 г. Конституция Российской Федерации была дополнена ст. 67.1, согласно п. 4 которой дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уваже-

ния к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения.

Данные положения Конституции Российской Федерации конкретизируются и в судебных актах Конституционного Суда Российской Федерации. В частности, в постановлении от 2 марта 2023 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. В. Григорьевой» Конституционный Суд Российской Федерации прямо указывает на необходимость создания и обеспечения гарантий реализации прав детей на особую заботу и помощь, принципов приоритета их интересов и благосостояния во всех сферах жизни. Аналогичная позиция воспринята и юридической наукой, в которой отмечается, что специальные подходы к правовому регулированию прав ребенка обусловлены необходимостью окружать детей заботой⁹.

Действительно, нельзя не согласиться с тем, что ребенку нужно расти в семейном кругу, в атмосфере счастья, любви и понимания, позволяющей ему развиваться как личность. Однако учитывая, что данные категории законодательному регулированию фактически не поддаются, правовое регулирование в области защиты прав и интересов детей в большинстве случаев исходит «от обратного», т. е. из необходимости выявления и устранения угроз, способных нарушить благополучное развитие ребенка, либо минимизации соответствующих рисков.

В условиях «цифрового» XXI в. данные угрозы и риски подлежат выявлению в новой, цифровой плоскости и в виртуальной реальности.

Система интернет-рисков для детей

Угрозы или риски, существующие сегодня в Интернете, могут быть представлены в виде следующего перечня, который актуален как для взрослых, так и для детей:

1) **контент-риски** – незаконный (порнография, расизм, азартные игры) и вредный (агрессия, ненависть) контент, включая вредные советы (суицид) и нежелательную рекламу;

⁵ См.: Терещенко Л. К. Трансформация понятийного аппарата информационного права в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2022. № 12. С. 98–110.

⁶ См.: Рыбаков О. Ю., Рыбакова О. С. Ребенок и интернет-пространство: вопросы правового обеспечения безопасности // Информационное право. 2018. № 1. С. 27–31.

⁷ См.: Кобзева С. В. Защита прав несовершеннолетних от угроз в сети Интернет // Информационное право. 2017. № 2. С. 33–39.

⁸ См.: URL: <https://issek.hse.ru/news/551331807.html> (дата обращения: 06.12.2023).

⁹ См.: Колобаева Н. Е., Несмеянова С. Э. Информационная безопасность несовершеннолетних и право на доступ в интернет // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2020. № 6. С. 14–21.

2) **контакт-риски** – опасные контакты с людьми, в том числе вовлечение ребенка в действия сексуального характера (кибергруминг), онлайн-беспокойство, унижение или травля с помощью мобильных телефонов и других электронных устройств (кибербуллинг), преследование или домогательство по Интернету (киберсталкинг);

3) **риски виртуальных транзакций** – совершение нежелательных (ошибочных и случайных) денежных операций (покупки, перевод и получение денежных средств и т. п.), включая мошенничество;

4) **риск интернет-приватности и безопасности** – утечка персональных данных детей и их неконтролируемое использование третьими лицами¹⁰.

Предложенная классификация согласуется с исследованиями Организации экономического сотрудничества и развития¹¹ и, что важно отметить, не является исчерпывающей, поскольку, как мы указывали ранее, цифровизация и виртуализация представляют собой длящиеся процессы, ввиду чего интернет-угрозы могут как возникать, так и исчезать, что с научной позиции и обуславливает необходимость их теоретического исследования. Будучи исследованными в теории, угрозы могут быть легче нейтрализованы на практике, в том числе в правовом поле¹².

Системно названные виды угроз можно разделить на две основные группы: *контентные риски* (пункт 1 выше) и *коммуникационные риски* (пункты 2–4). Согласимся с предложенными В. И. Коваленко определениями того, что *контентные риски* представляют собой вероятность свободного доступа ребенка к размещаемому в сети Интернет социально неодобряемому или противоправному контенту, а *коммуникационные* – напрямую связаны с виртуальным общением пользователей в сети посредством различных интернет-площадок: социальные сети, сайты знакомств, форумы, блоги, чаты, мессенджеры и др.¹³ Уточним только, что под комму-

никационными рисками мы предлагаем понимать не только виртуальное общение, о чем говорит В. И. Коваленко, а любые взаимоотношения, возникающие между детьми и иными пользователями сети, включая общение, совершение сделок (в том числе по приобретению платного контента), распространение персональных данных и пр.

Данная система интернет-рисков может быть обозначена как *внешняя*, поскольку выявленные угрозы исходят от посторонних лиц, а не от близкого круга ребенка. Между тем применительно к последнему случаю нельзя не отметить еще одну угрозу – *внутреннюю*, которая может исходить от самых близких ребенку людей (родители, бабушки, старшие братья и сестры, другие активные онлайн родственники) при использовании ими Интернета в своих целях и интересах.

Зарубежная юридическая мысль в последнее десятилетие исследует явление распространения родителем информации о своем родителе в Интернете (*шерентинг*)¹⁴. Поскольку в данном случае речь идет о фактическом использовании ребенка в качестве инфоповода (например, ведение блога о родителе или непосредственно блог от имени ребенка), полагаем возможным не замыкать внутреннюю угрозу только на родителях, а рассматривать в качестве потенциального источника угрозы приближенных ребенку людей, занимающих активную жизненную онлайн-позицию (далее по тексту мы будем говорить о близких ребенку людях).

Нейтрализация перечисленных выше угроз (как внешних, так и внутренних) юридическими (правовыми) методами должна осуществляться с учетом специфики правового регулирования защиты детей, которую мы отметили выше, а также исходя из особенностей правового статуса ребенка, речь о которых пойдет дальше.

Динамика правового статуса ребенка: от ребенка до несовершеннолетнего

Ребенок является особым субъектом права, специфика правового статуса которого состоит в презумпции незрелости ребенка для принятия самостоятельных решений, и, как следствие, в праве законных представителей на участие в реализации его прав и интересов¹⁵.

¹⁴ См.: Stacey B. Steinberg, *Sharenting : Children's Privacy in the Age of Social Media*, 66 Emory L. J. 839 (2017).

¹⁵ См.: Колобаева Н. Е., Несмеянова С. Э. Указ. соч.

¹⁰ Подробнее о видах угроз мы писали ранее: Khisamova R. V. *Children and Internet : Cyber Threats Sorts and Ways of Protection* // Legal Issues in the Digital Age. 2023. No. 4(2). P. 122–141.

¹¹ См.: Кобзева С. В. Указ. соч.

¹² См.: Khisamova R. V. Op. cit.

¹³ См.: Коваленко В. И. Профилактика рисков и угроз жизни и здоровью детей, связанных с влиянием сети Интернет // Научный портал МВД России. 2020. № 3. С. 26–32.

Согласно одному из принципов, предусмотренных Конвенцией о правах ребенка, утв. Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 20 ноября 1989 г. (далее – Конвенция о правах ребенка, ООН соответственно), ребенок должен быть полностью подготовлен к самостоятельной жизни в обществе и воспитан в духе идеалов, провозглашенных в Уставе ООН, и особенно в духе мира, достоинства, терпимости, свободы, равенства и солидарности. В целях постепенного воспитания в ребенке «взрослого» законодательство предусматривает для ребенка соответствующие «правовые ограничения и свободы», исходя из того, что чем старше становится ребенок, тем больше «правовой свободы» он получает. В научной литературе со ссылкой на ст. 5 Конвенции о правах ребенка данный принцип называют принципом «развивающихся способностей ребенка»¹⁶, который Комитет ООН о правах ребенка определяет как «правообразующий принцип, предусматривающий процесс взросления и обучения, в ходе которого дети постепенно приобретают профессиональные знания, понимание сути вещей и всё больше осознают способность взять на себя ответственность и осуществлять свои права»¹⁷.

Это универсальное правило действует во всех отраслях права, которые, кстати, предусматривают свои собственные присущие только им ограничения для детей разного возраста, в связи с чем в юридическом языке и появляются отдельные термины в категории «дети».

Приведем несколько примеров.

В гражданском праве статус гражданина определяется его дееспособностью. В отношении детей действующее российское законодательство выделяет две категории: малолетние (дети до 14 лет) и несовершеннолетние (от 14 до 18 лет).

Гражданская процессуальная дееспособность принадлежит в полном объеме лишь гражданам, достигшим возраста 18 лет, и организациям. В силу п. 3 и 5 ст. 37 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации права, свободы и законные интересы несовершенно-

летних, как достигших, так и не достигших 14 лет защищают их законные представители с той разницей, что первая группа несовершеннолетних (от 14 до 18 лет) привлекается судом к участию в деле в обязательном порядке, а вторая (дети до 14 лет) – по усмотрению суда.

Законодательство Российской Федерации об административной ответственности дифференцирует субъектов права на лиц, достигших 16 лет, и лиц, не достигших указанного возраста, закрепляя, что административной ответственности может быть подвергнута только первая группа (ст. 2.3 КоАП РФ).

Таким образом, общая категория «дети» («ребенок») по-разному дифференцируется в разных отраслях права, исходя из особенностей регулируемых правом общественных отношений. Указанная динамика поступательного развития правового статуса ребенка, как будет показано далее, прослеживается в полной мере и в области информационного права.

Обзор действующих в России правовых мер защиты детей от внешних контентных рисков

На сегодняшний день по российскому законодательству контентные риски в отношении детей всех возрастных категорий при использовании медиа и Интернета являются наиболее минимизированными. Это обусловлено, с одной стороны, сложившимся общемировым подходом к защите детей от негативной информации¹⁸ и бесспорным признанием необходимости обеспечения такой защиты, а с другой – сравнительно простым методом, который сводится к ограничению на законодательном уровне доступа к определенной информации.

Правовые основы информационной безопасности детей заложены в ст. 14 Федерального закона от 24 июля 1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (далее – Закон о правах ребенка) и конкретизированы в Федеральном законе от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (далее – Закон о защите детей от вредной информации). Последний, в частности, устанавливает классификацию информационной продукции (глава 2), требования к ее обороту (глава 3), порядок проведения экспертизы информационной продукции (глава 4), меры государ-

¹⁶ Тригузович Н. В., Хазова О. А., Чашкова С. Ю., Чефранова Е. А. Указ. соч.

¹⁷ Комитет по правам ребенка. Замечание общего характера № 5 (2003) «Общие меры по осуществлению Конвенции о правах ребенка (ст. 4 и 42 и п. 6 ст. 44)». Документ № CRC/GC/2003/5. П. 12.

¹⁸ См.: Кобзева С. В. Указ. соч.

ственного и общественного контроля (глава 5), а также ответственность (ст. 22).

С учетом возраста детей (до 6 лет, 6, 12, 16 лет и выше) законодатель фактически разделяет информацию по ее содержанию на запрещенную (ч. 2 ст. 5 Закона о защите детей от вредной информации) и информацию с ограниченным доступом (ч. 3 ст. 5 Закона о защите детей от вредной информации). В противовес, для взрослых единственным ограничением открытой информации, на которую не распространяются особые правовые режимы «тайн», является запрет, установленный ст. 10 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации).

Однако в действительности информационная безопасность детей в Интернете реализована плохо: большинство сайтов, содержащих информацию, доступ к которой по закону должен быть ограничен для детей с учетом их возрастной категории, не промаркировано, а распространяемый контент не дифференцирован и не адаптирован для детской аудитории. То есть ограничительные меры в отношении потребляемого детьми контента в Интернете сегодня декларированы, но фактически в интернет-реальность, включая мессенджеры и социальные сети, не интегрированы. Предполагаем, что это связано, с одной стороны, со сложностями создания и внедрения отдельных механизмов «фильтрации» контента с учетом возрастных категорий посетителей сайтов в сети Интернет и незаинтересованностью владельцев источников информации в подобной фильтрации, а с другой – с отсутствием у государства реальной возможности сформировать адекватные механизмы принуждения и контроля.

В отношении полностью запрещенной информации дела обстоят значительно лучше. В настоящее время Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) в соответствии с постановлением Правительства РФ от 26 октября 2012 г. № 1101 (ред. от 24.12.2022) ведет Единый реестр доменов и сайтов с противоправным контентом по адресу: <https://eais.rkn.gov.ru/>.

При изложенных обстоятельствах нельзя не согласиться с С. В. Кобзевой в том, что система защиты несовершеннолетних от агрессивного

интернет-контента в нашей стране функционирует, но требует усовершенствования¹⁹.

Обзор российских правовых мер защиты детей от внешних коммуникационных рисков

Вторая группа внешних рисков, которым подвергаются дети в Интернете, это коммуникационные риски в виде контакт-рисков, рисков нежелательных транзакций и риска нарушения интернет-приватности и безопасности, в отношении которых законодательные и правовые меры защиты прав и интересов детей развиты слабее по сравнению с первой группой.

Защита детей от контакт-рисков сегодня исчерпывается нормами уголовного законодательства, предусматривающими ответственность за совершение в отношении несовершеннолетних отдельных действий вроде киберагрессии (то же, что и кибербуллинг или троллинг, т. е. унижение или травля с помощью мобильных телефонов, других электронных устройств) и кибергруппинга (т. е. вовлечение ребенка в действия сексуального характера). Так, киберагрессия может быть квалифицирована по ст. 110 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Доведение до самоубийства» (п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ), ст. 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства», ст. 110.2 «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства», кибергруппинг – по ст. 133 УК РФ «Понуждение к действиям сексуального характера» и ст. 135 «Развратные действия». Киберсталкинг на сегодняшний день уголовному преследованию не подвергается.

Само по себе наличие в Уголовном кодексе Российской Федерации общих составов преступлений, по которым могут быть квалифицированы действия, угрожающие детям в Интернете, представляется недостаточным. Важно осознавать, что уголовно-правовые механизмы защиты от интернет-преступлений, совершенных в отношении детей, не направлены на возмещение вреда, причиненного ребенку. Исходя из необходимости создания в первую очередь благоприятных условий для развития детей как фундаментальной основы развития российского общества объективно оправданной выглядит правовая разработка превентивных мер по сдерживанию и недопущению интернет-преступности.

¹⁹ См.: Кобзева С. В. Указ. соч.

Виртуальные транзакции – третий вид выделенных нами рисков в Интернете, который состоит из двух подвидов: совершение ребенком в Интернете нежелательных покупок и финансовых операций, не одобренных родителями, и приобретение ребенком вредных платных информационных продуктов (покупка марафонов, лекций, курсов), зачастую не адаптированных под его возраст.

В целях защиты имущественных интересов детей их родители могут использовать общие правила гражданского законодательства Российской Федерации, в том числе, отказаться от приобретения ненужного товара или вернуть его продавцу. Защита же неимущественных интересов детей, возникающих в связи с совершением виртуальных транзакций по приобретению ненадежных инфопродуктов, находится за рамками правового поля. Меры защиты интересов детей от информационных продуктов сомнительного содержания, предлагаемых в Интернете, в том числе от информационных аферистов и инфоцыган, сегодня отсутствуют.

Аналогичная ситуация сложилась и при защите приватности детей и их персональных данных.

В данной категории рисков могут быть выделены следующие их виды:

- несанкционированный сбор информации, в том числе в виде цифровых файлов (доксинг);
- публичное распространение персональных данных / иных личных сведений (деанон);
- распространение не соответствующих действительности сведений, манипуляция общественным сознанием (фейкинг)²⁰.

Правовая защита против данных угроз отсутствует, поскольку правовое регулирование персональных данных детей и взрослых законодателем не дифференцировано. И если взрослый человек, осознавая свои риски, может принять необходимые превентивные меры, например, запретив применение файлов-куки, то ребенок – в очень редких случаях.

Правовая проблема защиты интересов ребенка в Интернете при онлайн-активности близких ребенку людей

Как показано выше, современное российское законодательство, пусть и не отличаясь совершенством, всё же предлагает отдельные

правовые меры защиты прав и интересов ребенка в Интернете от внешних рисков (угроз). Внутренние же риски, т. е. риск нарушения прав и интересов ребенка в Интернете их родителями или другими онлайн активными близкими к ребенку людьми, только-только осознаются, а потому сегодня не охватываются правом. Вместе с тем представляется, что данный риск не может полностью оставаться за рамками правового регулирования, поскольку ребенку как человеку и гражданину гарантируется достоинство личности. С правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации право на охрану достоинства личности, принадлежащее каждому от рождения, воплощает в себе важнейшее социальное благо, без которого немыслимо само демократическое правовое устройство страны, а потому – исходя из конституционных предписаний и требований международно-правовых актов – предполагает повышенный уровень гарантий со стороны государства и не подлежит какому-либо ограничению (ч. 4 ст. 15, ч. 1 и 2 ст. 17 Конституции Российской Федерации). Исходя из этого государство, руководствуясь вытекающими из Конституции Российской Федерации принципами верховенства права и справедливости, обязано не только предотвращать и пресекать в установленном законом порядке какие бы то ни было посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания личности, но и способствовать максимально возможному возмещению причиненного вреда и тем самым обеспечивать эффективную защиту достоинства личности как конституционно значимой ценности (п. 5 постановления Конституционного Суда РФ от 2 марта 2023 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.В. Григорьевой»). Следовательно, онлайн-активность родителей или других близких ребенку людей при использовании ими ребенка в качестве инфоповода должна оцениваться с правовой позиции необходимости обеспечения ребенку права на охрану достоинства личности, включая его право на самостоятельную цифровую идентификацию, которое сегодня также широко обсуждается правовым сообществом²¹.

²⁰ См.: Богатырев К. М. Угрозы медиабезопасности в цифровой среде : систематизация и анализ // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 7. С. 136–142.

²¹ См.: Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении : из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25–42 ; и др.

Публичные и частные начала в механизме защиты прав ребенка

Проведенный выше обзор правовых мер защиты интересов детей в сети Интернет ярко свидетельствует и неизбежно подводит нас к заключению о том, что защита прав детей в Интернете должна осуществляться на нескольких уровнях путем гармонизации государственного, частного и общественного начал.

По опыту развитых стран мира, к которым мы относим и Россию, эффективными мерами на уровне государства являются:

- законодательные запрет и ограничение распространения информации, способной нанести вред ребенку;
- внедрение классификации интернет-сайтов;
- повышение осведомленности детей, педагогов и родителей об интернет-угрозах и способах борьбы с ними.

Наряду с государством активными участниками процесса защиты прав детей выступают их родители (в силу императивного указания закона), а также общество (с учетом постоянного расширения арсенала доступных независимым группам людей методов реализации отдельных общественных инициатив).

Как справедливо отмечает Т. В. Шершень, современное семейное право не является в чистом виде частным правом, поскольку частные и публичные интересы и регулируемые им отношения нередко оказываются переплетенными и взаимообусловленными²². То же самое, на наш взгляд, справедливо и в области информационного права, в рамках которого особым образом переплетены и взаимообусловлены действия государства и родителей при защите прав детей в Интернете. Там, где заканчивается государственная правовая охрана интересов детей в Интернете, начинается сфера усмотрения или зона ответственности родителей и в то же время открывается возможность для реализации положительных общественных инициатив.

И если государственная правовая охрана детей в Интернете от внешних рисков на сегодняшний день, как было показано выше, более или менее обозначена в нормах действующего законодательства, то способы защиты прав детей в Интернете, доступные родителям (иным законным представителям ребенка), правовой доктриной еще не выработаны.

Вместе с тем само по себе отсутствие правового регулирования не свидетельствует об отсутствии конкретных способов защиты прав, которые образуются в реальной действительности.

Так, применительно к родителям (иным законным представителям детей) на практике существует особый способ защиты прав детей в Интернете – «родительский контроль», т. е. внедрение фильтрации на домашних персональных компьютерах и иных электронных устройствах, посредством которых ребенок выходит в сеть. Подобная фильтрация контента может быть осуществлена самостоятельно родителем «в ручном режиме», а может быть приобретена в рамках специальных программных продуктов. Поскольку применение данной меры защиты опосредуют цифровые технологии, полагаем возможным поднять вопрос о новом способе защиты права – цифровой защите (самозащите).

При этом такое целенаправленное ограничение контента (его фильтрация), доступного детям в Интернете, а также пресечение нежелательных контактов детей с посторонними лицами их родителями (законными представителями) с использованием цифровых технологий необходимо отличать от понятия «информационный колодец», которое используется применительно к интернет-контенту, ограниченному особым образом в интересах отдельного лица, обычно владельца информационной системы (сайта), путем применения конкретных алгоритмов системы.

На официальном сайте молодежного цифрового омбудсмана по вопросу информационных колодцев разъясняется, что алгоритмы и рекомендательные сервисы в социальных сетях и на платформах видеохостинга созданы для рационализированного и автоматизированного управления потоком пользователей. Эти системы предлагают пользователю контент на основе результатов анализа поведения пользователя, выполняемого сервисом. Если пользователь видит только то, что ему интересно, согласно анализу системы, то он попадает в так называемый информационный колодец, находясь в котором он не получает информацию по иным темам. Отмечается, что особенно остро проблема потребления контента стоит в социальных сетях. В информационный колодец пользователя можно поместить принудительно, тем самым навязывая контент и влияя на формирование его

²² См.: Шершень Т. В. Частные и публичные начала в правовом регулировании алиментных обязательств // Вестник Перм. ун-та. Юридические науки. 2010. Вып. 4.

мировоззрения²³. Данные обстоятельства необходимо принимать во внимание и не допускать использование родительского контроля во вред интересам ребенка и его праву на всестороннее развитие личности.

Применительно к отдельным общественным инициативам нельзя не отметить деятельность Лиги безопасного интернета, которая имеет своей основной целью создание безопасного пространства Интернета на территории Российской Федерации. В рамках основной деятельности Лига безопасного интернета оказывает информационную, консультационную и экспертную поддержку родителям, педагогам, детям и подросткам, помогая им взаимодействовать в Интернете наиболее полезным и безопасным для них способом. На официальном сайте Лиги по адресу: <https://ligainternet.ru/o-nas/> содержится много полезной информации об основных угрозах в сети Интернет, о мерах защиты, которые могут быть приняты родителями и педагогами, о контактных данных, по которым дети и подростки могут обратиться за защитой своих прав и интересов.

Совершенно новым явлением социальной интернет-действительности выступает киберволонтерство, т. е. разновидность волонтерской деятельности, которая осуществляется дистанционно с помощью интернет-технологий²⁴.

Киберволонтеры могут выполнять функцию «оперативного защитника» прав и законных интересов детей в Интернете, который помогает сориентироваться ребенку или подростку в трудной ситуации, возникшей на просторах сети. Обобщив опыт работы и создания киберволонтерских движений, Министерство науки и высшего образования Российской Федерации разработало Методические рекомендации для образовательных организаций высшего образования Российской Федерации по формированию медиа- и киберволонтерских отрядов в сфере противодействия противоправному контен-

ту²⁵, которые, будучи адресованы сотрудникам образовательных организаций высшего образования, ответственным за развитие волонтерского движения, и сотрудникам, осуществляющим реализацию государственной молодежной политики в области противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, вместе с тем могут быть использованы любыми лицами.

Формирование цифровой реальности ставит перед правовым сообществом новые проблемы, в числе которых можно отметить и проблему защиты прав детей в Интернете. Доступность сети Интернет детям на сегодняшний день сопряжена для них с контентными и коммуникационными внешними рисками, а также внутренним риском нарушения прав ребенка в Интернете его ближайшим окружением в ходе своей онлайн-активности. Как обозначено в статье, нейтрализация выявленных рисков с учетом их характера может быть достигнута исключительно путем правильного и сбалансированного распределения функций и ответственности между государством, обществом и родителями (иными законными представителями).

Библиографический список

Богатырев К. М. Угрозы медиабезопасности в цифровой среде : систематизация и анализ // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 7. С. 136–142.

Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении : из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25–42.

Кибер-Волонтеры, как инструмент профилактики распространения деструктивного контента в сети интернет, инструменты и механизмы организации работы / П. М. Урвачев, А. М. Барышева, Р. Д. Гусаров, Я. А. Родионов // Современные стратегии и цифровые трансформации устойчивого развития общества, образования и науки : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 7 октября 2022 г.). М. : АЛЕФ, 2022. С. 84–91.

Кобзева С. В. Защита прав несовершеннолетних от угроз в сети Интернет // Информационное право. 2017. № 2. С. 33–39.

Колобаева Н. Е., Несмеянова С. Э. Информационная безопасность несовершеннолетних и право на доступ в интернет // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2020. № 6. С. 14–21.

²⁵ О направлении информации : письмо Министерства науки и высшего образования РФ от 22 марта 2022 г. № МН-6/115..

²³ См.: URL: <https://www.youthombudsman.ru/help/7> (дата обращения: 02.10.2023).

²⁴ См. также: Кибер-Волонтеры, как инструмент профилактики распространения деструктивного контента в сети интернет, инструменты и механизмы организации работы / П. М. Урвачев, А. М. Барышева, Р. Д. Гусаров, Я. А. Родионов // Современные стратегии и цифровые трансформации устойчивого развития общества, образования и науки : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 7 октября 2022 г.). М. : АЛЕФ, 2022. С. 84–91.

Коваленко В. И. Профилактика рисков и угроз жизни и здоровью детей, связанных с влиянием сети Интернет // Научный портал МВД России. 2020. № 3. С. 26–32.

Никитина Е. Е. Система прав и свобод человека в условиях технологической революции // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 27–44.

Рыбаков О. Ю., Рыбакова О. С. Ребенок и интернет-пространство : вопросы правового обеспечения безопасности // Информационное право. 2018. № 1. С. 27–31.

Терещенко Л. К. Трансформация понятийного аппарата информационного права в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2022. № 12. С. 98–110.

Тригубович Н. В., Хазова О. А., Чашкова С. Ю., Чефранова Е. А. О Концепции совершенствования законодательства, регулирующего отношения детей и родителей // Закон. 2022. № 1. С. 28–38.

Шершен Т. В. Частные и публичные начала в правовом регулировании алиментных обязательств // Вестник Перм. ун-та. Юридические науки. 2010. Вып. 4.

Khisamova R. V. Children and Internet : Cyber Threats Sorts and Ways of Protection // Legal Issues in the Digital Age. 2023. No. 4(2). P. 122–141.

Stacey B. Steinberg, Sharenting : Children's Privacy in the Age of Social Media, 66 Emory L. J. 839 (2017).

References

Bogatyrev K. M. Threats of media security in the digital environment t: systematization and analysis // Actual problems of Russian law. 2022. No. 7. P. 136–142.

Bondar N. S. Information and digital space in the constitutional dimension : from the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2019. No. 11. P. 25–42.

Cyber-Volunteers as a tool for preventing the spread of destructive content on the Internet, tools and mechanisms for organizing work / P. M. Urvachev,

A. M. Barysheva, R. D. Gusarov, Ya. A. Rodionov // Modern strategies and digital transformations sustainable development of society, education and science : collection of materials from the II International Scientific and Practical Conference, Moscow, October 7, 2022. Moscow : ALEF, 2022. P. 84–91.

Kobzeva S. V. Protection of the rights of minors from threats on the Internet // Information Law. 2017. No. 2. P. 33–39.

Kolobayeva N. E., Nesmeyanova S. E. Information security of minors and the right to access to the Internet // Electronic Appendix to the «Russian Law Journal». 2020. No. 6. P. 14–21.

Kovalenko V. I. Prevention of risks and threats to the life and health of children related to the influence of the Internet // Magazine «Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia». 2020. No. 3. P. 26–32.

Nikitina E. E. System of human rights and freedoms in the context of the technological revolution // Journal of Russian Law. 2020. No. 8. P. 27–44.

Rybakov O. Y., Rybakova O. S. Child and Internet Space: Legal Security Issues // Information Law. 2018. No. 1. P. 27–31.

Tereshenko L. K. Transformation of the conceptual apparatus of information law in the context of digitalization // Journal of Russian law. 2022. No. 12. P. 98–110.

Trigubovich N. V., Khazova O. A., Kuzova S. Y., Chefranov E. A. On the Concept of Improvement of Legislation Regulating Children's and Parents' Relations // Law. 2022. No. 1. P. 28–38.

Shershen T. V. Private and public beginnings in the legal regulation of alimony obligations // Bulletin of the Perm University. Law Sciences. 2010. Edition 4.

Khisamova R. V. Children and Internet : Cyber Threats Sorts and Ways of Protection // Legal Issues in the Digital Age. 2023. No. 4(2). P. 122–141.

Stacey B. Steinberg. Sharenting : Children's Privacy in the Age of Social Media, 66 Emory L. J. 839 (2017).

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Хисамова Р. В., аспирант Департамента права цифровых технологий и биоправа
E-mail: rina_khisamova@list.ru

Поступила в редакцию: 03.07.2023

Для цитирования:

Хисамова Р. В. Особенности защиты прав детей в интернете // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 105–113. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/105-113>

National Research University «Higher School of Economics»

Khisamova R. V., PhD Student of the Department of Digital Technology Law and Biologics
E-mail: rina_khisamova@list.ru

Received: 03.07.2023

For citation:

Khisamova R. V. Features of protection of children's rights on the internet // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 105–113. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/105-113>